

ДОКУМЕНТЫ И СУДЬБЫ

Иван 243664 - 1992 - 23 дек (252) - с 6

БЫЛО это давно, как сказал поэт, — жизнь тому назад, году этак в 1948-м. Я был тогда студентом Литературного института и, кажется, даже успел напечатать в «Литгазете» свою первую рецензию, изуродованную до такой степени, что она уже ни единым атомом не отличалась от миллионов таких же серых, «железобетонных» статей, ежедневно заполняющих тысячи утомительно-однообразных газетных страниц.

Тем не менее каждого номера «Литературной газеты» я ждал тогда с нетерпением, жадно ловя (и почти всегда находя) там хоть что-нибудь отличающееся от общеобязательного «железобетона».

И вот однажды на страницах этой газеты я прочел статью (не помню, то ли это был фельетон, то ли «Письмо в редакцию»), подписанную Валентином Катаевым и Александром Макаровым. В статье говорилось, что в зарубежной (западной) печати появилась смехотворная по своей несусветной лжи информация о том, что известный советский писатель Катаев и известный советский критик Макаров якобы арестованы, отправлены в концлагеря и «погибли во льдах Сибири».

Ох, уж эти безответственные западные болтуны, присяжные лжецы, дипломатические лакеи мировой буржуазии! Какая только нелепая фантазия не придет в их задуренные лживой империалистической пропагандой головы! — веселились авторы фельетона. Вот, глядите, мы — живехоньки! Не только не погибли, но даже процветаем на ниве нашей самой свободной в мире литературы! Какие «льды Сибири»? Какой концлагерь? Да у нас в Сибири и лагерей-то никаких нет!

О том, что лагеря в Сибири (и не только в Сибири) у нас есть, я слышал. Знал о судьбе Мандельштама, Бабеля, Пильняка. Но даже если бы я ни о чем подобном и не слыхивал, статейка Катаева и Макарова, я думаю, все равно вызвала бы у меня какое-то смутное недоверие. Слишком уж явно била в нос исходящий от нее густой аромат официальной, государственной лжи. А уж все эти стилистические ужимки и прыжки, которыми сопровождался «праведный гнев» авторов, это их фальшивое изумление («Какая Сибирь? Какие лагеря?»), эти лицемерные ухмылки, за которыми притаился плохо скрываемый страх («Кто там врет, что мы якобы погибли, когда мы — хи-хи! — вот они, живем и благоденствуем!»), яснее ясного говорили, что дело нечисто.

И тем не менее я поверил, что насчет Катаева и Макарова западные журналисты и в самом деле дали маху. Что тут они действительно, что называется, прокололись.

Да и как было не поверить, если Александр Николаевич Макаров был руководителем критического семинара (моего семинара!) в Литературном институте (моем институте!), а Валентин Катаев — и вовсе «живым классиком», книги которого украшали прилавки всех книжных магазинов.

Лишь годы спустя, уже в другую историческую эпоху (после смерти Сталина, после XX съезда), я узнал, что западные «брехуны» не солгали. «Во льдах Сибири» действительно погиб писатель Катаев. Только не Валентин, а — Иван*.

А вскоре (в 1957 году) вышел в

* Критик Иван Макарьев, о котором, по-видимому, шла речь в той зарубежной статье, действительно не погиб, хотя и провел в лагерях 17 лет. Он был реабилитирован, восстановлен в партии, стал даже секретарем парткома Московского отделения СП, но вскоре покончил с собой, будучи уличен в краже членских взносов своих товарищей по партии.

К 90-летию
со дня
рождения
Ивана
Катаева

Это — единственный мой недостаток

свет увесистый однотомник Ивана Катаева, и я впервые прочел — и оценил — этого замечательного писателя.

ИВАН ИВАНОВИЧ КАТАЕВ родился в 1902 году в Москве. В 1919-м семнадцатилетним юношей он ушел добровольцем в Красную Армию и тогда же вступил в Коммунистическую партию. Служил в политотделе 8-й армии, вместе с этой армией прошел гражданскую войну. В армейской же печати появились его первые сочинения (поначалу это были стихи).

Казалось бы, при такой биографии у него были все данные для того, чтобы стать преуспевающим советским писателем и спокойно дожить до преклонного возраста, удостоившись званий Героя Социалистического Труда и лауреата Государственных премий, как это случилось с его знаменитым однофамильцем.

Но литературная деятельность Ивана Катаева продолжалась всего лишь десять лет: с 1927 по 1937 год.

Не раз приходилось слышать и читать, что в кровавую сталинскую мясорубку люди попадали случайно, что это была некая безумная, бессмысленная лотерея. В этом объяснении, вероятно, есть какая-то толика правды. Но трагическая судьба Ивана Катаева, его гибель «во льдах Сибири» случайностью не была. Она была предопределена всем характером его личности, особыми свойствами его душевного склада. Можно даже сказать, что виной тому был только лишь один присущий ему, неизлечимый душевный изъян — жальство.

Назвав это свойство его души изъяном, я не оговорился. Эпоха устами своих вождей, пророков и поэтов гремела во всю мощь своего трубного голоса: «Человек — выше жалости! Не унижайте человека жалостью!», «Нас не надо жалеть! Ведь и мы никого не жалели!».

Иван Катаев на этом фоне был «белой вороной». Не единственной, конечно. Были и другие. Можно вспомнить хотя бы вот эти горькие, хоть и приправленные мягкой иронией строки Михаила Светлова:

Товарищ! Певец наступлений и пушек,
Ваятель красных человеческих статуй,
Простите меня — я жалую старушек,
Но это — единственный мой недостаток.

Но с Иваном Катаевым дело обстояло хуже: он жалел не только старушек, бредущих по городу пешком, потому что им не хватало мелочи на

трамвай. Слишком часто — чтобы не сказать постоянно — он испытывал жалость к людям, жалеть которых в те времена было смертельно опасно.

Вот как говорилось об этом в тогдашней «Литературной энциклопедии»:

«Творчество Катаева пронизывает пламенная вера в человека, мелкобуржуазный «гуманизм». Любость к людям стирает у него классовые грани, проявляется она большей частью через жалость, даже к классовым врагам... Героям Катаева не под силу усвоить известный тезис Ленина, что пролетарская «нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата» и что высшим критерием пролетарской этики является только революционная целесообразность. Гуманизм Катаева доминирует над классово-пролетарской моралью».

Каждая тяжеловесная фраза, каждое чуждое слово этой мрачной, разоблачающей инвективы сегодня звучат как гимн душевной стойкости человека, сумевшего остаться самим собой, не поддавшись уродующей силе официальной идеологии и чудовищно искаженного ею общественного сознания.

И вот пришла пора реабилитаций. (Не только юридических, но и идеологических.) Был «реабилитирован» и Иван Катаев.

Но — как!

Приведу лишь несколько строк из предисловия к уже упоминавшемуся мною однотомнику 1957 года. Речь там шла о самом «криминальном» из произведений писателя — рассказе «Молоко». И вот как автор предисловия защищал этот рассказ от былых несправедливых нападок вульгарно-социологической критики:

«Только в условиях ожесточенной литературно-групповой борьбы можно было несправедливо приписать этому рассказу «идеализацию кулака», как это произошло в момент написания «Молока». Наоборот, в этом рассказе как бы дано художественное разоблачение настоятельности теории «врастания кулака в социализм». И разоблачение это звучит тем более выразительно, что показан не примитивно-стандартный кулак, а сложный образ «прогрессивного», «образцового» хозяина, который даже советской власти симпатизирует... до тех пор, пока она дает ему возможность обогащаться за счет других. Это — характерная для того времени фигура, и в нашей литературе не много произведений, в которых подобные люди были изображены и разоблачены с такой силой, как это сделано в «Молоке».

Что правда, то правда: никакой «идеализации кулака» в этом катаевском рассказе действительно не бы-

ло и в помине. Но не потому, что Иван Катаев был правозащитным и законопослушным «писателем-коммунистом», как старается это изобразить автор предисловия, а лишь по той единственной причине, что жестокому, суровому реализму этого писателя любая идеализация чего или кого бы то ни было всегда была органически чужда, даже враждебна. Но не было в этом рассказе и разоблачения «эксплуататора», «мироеда», в чем из всех сил (разумеется, побуждаемый самыми добрыми намерениями) тщится уверить нас критик. Была неопровержимая художественная констатация той — теперь уже несомненной — истины, что, вопреки известному идеологическому канону, глубоко органичен и в высшей степени перспективен был для России конца 20-х годов фермерский путь развития сельского хозяйства. Что этот тип хозяйствования уже укоренился и даже начал давать свои плоды, но был искусственно задан. И что для этого искусственного его удушения — даже и до начала «сплошной коллективизации» — власти не брезговали самыми лицемерными, самыми подлыми методами.

Обо всем этом чрезвычайно важно вспомнить именно сейчас — не только потому, что тема эта в нынешние наши дни обрела особую актуальность. Вспомнить об Иване Катаеве и помнить добрым словом его честные, правдивые книги сейчас особенно уместно еще и потому, что вместе с мутной, грязной водой, скопившейся за минувшие десятилетия в нашем «литературном корыте», многие сейчас норовят выплеснуть и «младенца». (Что ни день, то сбрасывают «с парохода современности» какого-нибудь очередного советского классика: уже выкинули на помойку Горького, следом — Маяковского, потом — Алексея Толстого. А недавно дело дошло даже и до Булгакова.)

Опыт таких писателей, как Иван Катаев, лишний раз подтверждает, что в так называемой советской литературе было немало драгоценного.

Да, мы жили в эпоху, когда все ценное выпалывалось, вытаптывалось, беспощадно истреблялось.

Уничтожали генетику. Но находились безумцы, продолжавшие с опасностью для жизни заниматься своей любимой наукой.

Шельмовали кибернетику и жестоко преследовали всех, кто посвятил себя этой «буржуазной лженауке». Но находились смельчаки-«отщепенцы», которые упорно продолжали делать свое дело, без чего никогда не было бы у нас ни спутников, ни многого другого.

Уничтожали литературу (и не в порядке какой-нибудь одной разовой идеологической кампании, а систематически, целенаправленно, беспощадно — на протяжении всей советской истории). Но на протяжении всего этого многолетнего крестного пути неизменно находились одиночки, так и не научившиеся участвовать в тотальной лжи, упорно пытавшиеся говорить обществу правду. И вот, благодаря этим упрямым, мы теперь знаем правду о минувшей эпохе. И не то чтобы мы узнали ее только теперь. Те, до кого и в прежние времена каким-то чудом доносились эти свободные голоса, и тогда, задолго до высочайшей дозволенной гласности, уже знали ее, эту правду. Хотя и держали ее от нас за семью печатями, прятали дальше и глубже, чем Кошечку смерть.